

Ирина ЧАЙКОВСКАЯ

ИВАН ТУРГЕНЕВ В 1857—1859 ГОДАХ

Полина Виардо, Полинетта Тургенева,
Поль Виардо — развитие отношений
(на основе переписки)

Приношу искреннюю благодарность Николаю Глебовичу Жекулину, многое прояснившему и многое подсказавшему автору этой работы!

Предупреждение

Эта статья посвящена Тургеневу и его «французской семье» — Полине Виардо, Полинетте Тургеновой (Брюэр) и Полю Виардо.

Обозначение не вполне точное. Полина Виардо не была женой Тургенева, но их связывали долгие, сорокалетние отношения, в разное время разной степени интенсивности, она сыграла определяющую роль в его жизни, о чем свидетельствуют как признания самого писателя, так и адресованные ей письма. Свое имущество (наследство) писатель оставил исключительно ей, хотя это и не может служить решающим аргументом¹.

Ирина Чайковская — прозаик, критик, преподаватель-славист. Главный редактор американского русскоязычного журнала «Чайка». Родилась в Москве. По образованию педагог-филолог, кандидат наук. С 1992 года на Западе. Семь лет жила в Италии, с 2000 года — в США. Автор 18 книг и многочисленных публикаций в российских и зарубежных изданиях. Автор статей и докладов о жизни и творчестве И. С. Тургенева, А. Я. Панаевой, Н. А. Некрасова и других представителей русской литературы второй половины XIX века. Участница международных тургеновских конференций и конференций по связям русской и зарубежной литературы. Член редколлегии американского русскоязычного журнала «Слово/Word» и поэтического альманаха «Связь времен». Лауреат премии журнала «Нева» за 2015 год в номинации «Критика». Живет в Большом Вашингтоне.

¹ Приведу отрывок из частного письма ко мне известного тургеноведа-библиографа Николая Глебовича Жекулина: «...надо сказать, что многие, которые пишут на эту тему, не принимают во внимание юридические условия того времени — в России как они касались внебрачных детей и во Франции, как они касались прав мужей. Например, часто упрекают Тургенева в том, что в завещании он не оставил никаких денег дочери и внукам. Дело в том, что эти деньги бы автоматически принадлежали мужу, от которого она (Полинетта Тургенева. — И. Ч.) бежала. Деньги, предназначенные для них, были у ПВ, которая должна была продолжать из них платить ежемесячную сумму (как делал сам Тургенев), о чем Полину Брюэр Полина Виардо извещает в письме от 8 сентября 1883, т. е. 5 дней после смерти Тургенева...» (письмо от 19 декабря 2022 года).

Полинетта (Пелагея) Тургенева, в замужестве Брюэр, была внебрачной дочерью писателя от белошвейки Авдотьи Ермолаевны Ивановой, служившей в имении его матери. В возрасте восьми лет она была обнаружена Иваном Сергеевичем среди дворни Варвары Петровны Тургеневой и отослана в Париж — в семью Полины Виардо. Луи Виардо сделался ее опекуном — Тургенев присылал ему деньги на ее содержание, — а Полина, таким образом, до некоторых пор выступала в роли «приемной матери»...

Полю Виардо — официально сын Полины и Луи Виардо. Но по некоторым косвенным данным, в случае Поля можно говорить об отцовстве Тургенева (см. мою статью «Иван Тургенев в 1850 году. Жизнь в двоимирье»). Доказательных фактов на сей счет нет. В этой статье я принимаю эту гипотезу и пытаюсь рассмотреть также и вопрос развития отношений Ивана Тургенева и Поля Виардо.

Опираясь в своих выводах я буду на письма, написанные Тургеневым в эти годы и обращенные в основном к Полине Виардо и Полинетте Тургеневой, но не только на них.

Собираясь писать на эту тему, я приобрела две редкие букинистические книги, одна из которых не переведена на русский язык, это монография Евгения Семенова «Страдальческая жизнь Ивана Тургенева» (Eugene Semenov. «La vie douloureuse d'Ivan Tourguenef», 1933). Вторая — книга Поля Виардо «Воспоминания артиста» (Paul Viardot. «Souvenirs d'un artiste», 1910) — переведена, но лишь частично, ее отдельные главы печатались в «Новом времени» за 1906 год. Приложение № 10991, 10994, 11001, 11033 от 18, 21, 28 и 29 декабря (см. И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. М.: Худ. лит., 1983). В некоторых случаях я буду приводить отрывки из этих источников.

Об Евгении Семенове как об исследователе следует сказать несколько слов.

Евгений Петрович Семенов — псевдоним Соломона Моисеевича Когана (1861 — 1944), прожил бурную, полную событиями достаточно долгую жизнь (83 года). Родившись под Одессой, умер в Париже. Не окончил курса в Новороссийском университете, так как был обвинен в причастности к «Народной воле». Эмигрировал во Францию, где активно сотрудничал в русских и французских изданиях. Печатался во Франции, Бельгии и Америке. В 1912 году вернулся в Россию, где продолжал вести кипучую жизнь журналиста, а также участвовал в организации антивоенного движения. В 1920 году вновь эмигрировал во Францию, где выступал с антисоветскими лекциями. Издал несколько книг, среди которых Е. Semenov «La vie douloureuse d'Ivan Tourguenef». Paris, Mercvire de France, 1933) («Страдальческая жизнь Ивана Тургенева», Париж, 1933). Книга, написанная на французском языке, до сих пор не переведена на русский. Смерть его, случившаяся в Париже в 1944 году, не прояснена. Париж в это время до 19—25 августа 1944 года — под немецкой оккупацией, когда евреи преследовались и отправлялись в лагеря уничтожения. Последняя такая акция была проведена 15 августа 1944 года. Мы не знаем точно, умер ли Соломон Моисеевич Коган своей смертью или был схвачен нацистскими властями и вместе с прочими отправлен в Бухенвальд. Но если он действительно умер в Париже, значит, эта страшная участь его миновала.

Википедия сообщает, что Евгений Семенов «говорил о происхождении Поля от Тургенева». Однако в его книге я не обнаружила прямого утверждения на этот счет. Правда, там есть не прямое, а косвенное подтверждение. Но прежде чем привести нужную цитату, скажу несколько слов о самой книге. Она называется в переводе на русский «Страдальческая жизнь Ивана Тургенева» и построена на предположении, что Тургенев, приехав в Париж в 1856 году, после первых счастливых месяцев, когда он «восстановил в Куртавнеле свое счастье 1847—1850 годов» (с. 54, мой пер. с фр.), пришел к «катастрофе» начала 1858 года. К катастрофе, по мнению Евгения Семенова, писателя привела «смертельная болезнь» (он называет ее «деликатно-интимная»), а так-

же то, что Полина Виардо от него отвернулась. Причина? Возможно, полюбила другого, в качестве «счастливого соперника» указывается живописец Ари Шеффер².

В этой статье я стараюсь объяснить «охлаждение отношений» Тургенева и Полины Виардо, случившееся в 1857–1858 годах, и высказываю мысль, что жизнь Ивана Сергеевича не была такой уж сугубо «страдальческой», как о ней говорит Евгений Семенов.

Жанна Брюэр-Тургенева, дочь Полинетты и внучка писателя, передала Евгению Семенову письма из архива матери. Всего с 1852-го по 1882 год их более 350. Жанна Брюэр-Тургенева предоставила Евгению Семенову право опубликовать часть этих писем. Около половины из них Семенов опубликовал в «Mercure de France», 1932, № 807 и в книге «La vie douloureuse d'Ivan Tourguéneff»³. Подлинники всех писем сейчас находятся в ЦГАЛИ.

Евгений Семенов, таким образом, стал первым публикатором писем Тургенева к его дочери.

А теперь приведу обещанную цитату из книги Евгения Семенова (в переводе на русский), косвенно говорящую о происхождении Поля Виардо: «Что же касается семьи Виардо, то с ней (Полинеттой. — И. Ч.) перед смертью писателя все порвали, — кроме Поля и его дочери Алисы Виардо, которые сами расстались с матерью, бабушкой, сестрами и тетками и которые считали Полинетту — Поль своей сводной сестрой, а Алиса считала себя ее „племянницей“⁴ — и сохранили свою привязанность до самой ее смерти в 1919 году»⁵.

Глава 1. Иван Тургенев и Полина Виардо в 1857–1859 годах

Для начала необходимо напомнить, что предшествовало этому времени, которое многие исследователи считают кризисным в отношениях Тургенева и Полины Виардо. Цитату из книги Евгения Семенова «Страдальческая жизнь Ивана Тургенева», обозначившего «начало 1858 года» словом «катастрофа», я уже приводила. Приведу утверждение Г. Л. Медынцевой из статьи «Русский скиталец»: «В 1856 году во Франции его ждало тяжелое испытание — охлаждение к нему Виардо». Далее исследовательница пишет, что в начале 1860-х «Виардо вернула Тургеневу свое расположение» (см. в книге «Я слишком многим обязан Германии». М.: Русский путь, 2018, составитель Т. Е. Коробкина, с. 240).

Сослюсь также на комментарий к третьему тому академического собрания писем И. С. Тургенева за 1857–1858 годы, в котором говорится: «Весной 1857 года между Тургеневым и Полиной Виардо был период отдаления, когда их переписка прерывалась» (см. ПСС И. С. Тургенева, т. 3, комментарий, с. 544).

Обратим внимание на то, что все три источника называют разные даты случившегося кризиса. Самая верная временная точка, по моему мнению, указана в комментарии: *отношения Тургенева и Полины Виардо испортились ВЕСНОЙ 1857 года*.

Нужно сказать, что ничто не предвещало этого отдаления. Но чтобы разобраться в сложившейся ситуации, следует вернуться на восемь лет назад, в 1849 год — год, когда Тургенев обрел счастье взаимности. Как свидетельствует МЕМОРИАЛ — Дневник

² Ари Шеффер — друг Луи Виардо и его ровесник, был также верным другом Полины Виардо, ее конфидентом, но, по всей видимости, близких отношений между ними не было.

³ О письмах Тургенева к дочери см. Т. И. Бронь. Тургенев и его дочь Полина Тургенева-Брюэр. Тургеневский сб. Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева (далее ПСС и П). М.; Л.: Наука, 1964, с. 9–10.

⁴ Во французском оригинале «кузиной», что, по-видимому, является ошибкой автора, для которого французский язык не был родным.

⁵ La vie douloureuse d'Ivan Tourguéneff, Paris, Mercvre de France, 1933, p. 253.

писателя, где он по годам кратко отмечал самые важные события своей жизни с 1830-го по 1853 год — его связь с Полиной Виардо началась 14/26 июня 1849 года⁶.

Период с июня 1849-го по июнь 1850-го — время ничем не омраченного счастья. Летом 1850-го Иван собирается в дорогу — он едет в Россию для решения своих имущественных дел, мечтая вернуться к возлюбленной как можно скорее. Состояние, в котором он пребывает в России, характеризующееся душевной раздвоенностью и нежеланием оторваться от Полины, с которой он ведет практически ежедневную переписку, я назвала «жизнь в двоимирье» (см. мою статью «Тургенев в 1850 году. Жизнь в двоимирье»⁷).

Мечта Тургенева о быстром возвращении во Францию не сбылась. В России ему пришлось задержаться на шесть долгих лет. На эти годы пришлись арест и ссылка в родовое Спасское за напечатанную в «Московских ведомостях» статью на смерть Гоголя (март 1852 — ноябрь 1853), а затем «сидение» в России из-за невозможности выехать, то есть получить выездные документы: шла Крымская война (1853—1856), да и писатель был «на подозрении» у верхов.

Летом 1856 года, после шести лет «заточения» в России, с окончанием Крымской войны и сменой верховной самодержавной власти, Иван получил возможность вырваться в Париж к той, с которой все эти годы не прерывал переписки. То, что он едет «к ней», понимали все его российские друзья-писатели. За месяц до его отъезда Некрасов, ближайший друг Тургенева, чье положение в отношении Панаевой отчасти напоминало ситуацию Ивана Сергеевича⁸, пишет ему письмо с дачи в Ораниенбауме, в котором цитирует лермонтовский «Парус»: «Под ним струя светлей лазури, / А он, мятежный, просит бури...» — и продолжает: «Эх, голубчик! Мало что ли тебя поломало? И каково будет уезжать?»⁹ Ну да это не мое дело. Ничего не смею говорить, потому что сам бы на твоём месте поехал»¹⁰.

В стихах, написанных в день отплытия друга, Некрасов благословляет его на отъезд в погоне за любовью:

Ты счастлив. Ты воскреснешь вновь;
В твоей душе проснется живо
Все, чем терзает прихотливо
И награждает нас любовь...

В июле 1856 года Полина Виардо, сопровождаемая мужем, гастролирует в Лондоне. Тургенев устремляется в Лондон, и затем все трое возвращаются в дачное место под Парижем Куртавнель, где семья обычно проводит летние месяцы. Здесь они находятся с 31 августа по 14 октября. Это счастливое для Тургенева время, время нового обретения возлюбленной. Осень 1856 года (предположительно октябрь—ноябрь) я считаю временем возможного зачатия Поля, родившегося 8 (20) июля 1857 года. Прошу прощения у читателей, которых могут шокировать такие подробности. Но я должна их привести, так как для моей статьи они очень важны.

Евгений Семенов называет непосредственной причиной «кризиса» в отношениях Тургенева и Виардо «смертельную болезнь» писателя... Это сильное преувеличение.

⁶ См. в Интернете: <http://turgenev-lit.ru/turgenev/bio/avtobio/memorial.htm>.

⁷ <https://www.chayka.org/node/12609>. Ирина Чайковская. Иван Тургенев в 1850 году. Жизнь в двоимирье. Журнал «Чайка» от 19 ноября 2021.

⁸ См. мою статью «Иван Тургенев и Николай Некрасов: параллелизм любовного чувства». В кн. «Такой разный Тургенев». М.: Академический проект, 2018, с. 85—120.

⁹ Оба пока не понимают, что «уезжать» не придется: Тургенев будет жить рядом с Виардо до конца жизни...

¹⁰ Тургенев И. С. Переписка в 2 т. М.: Художественная литература, 1986, т. 2, с. 463.

Речь, по-видимому, идет о мочекаменной болезни, вследствие которой в сорок лет умер отец Ивана Сергеевича и проявлений которой, будучи чрезвычайно мнительным (наблюдение Толстого!), он опасался всю жизнь. Он не пропускал возможности пить минеральную воду, консультировался у «светил» (в частности, в июне 1857 года по совету доктора Геденуса поехал на воды в Зинциг, где работал над повестью «Ася», в конце июля этого же года приехал «братъ морские ванны в Булонь», в марте 1858 года Тургенев у доктора Зигмунда «по поводу <своей> проклятой болезни, никак не желающей <его> покинуть...»¹¹ Это сообщается в самый разгар европейского путешествия по Италии, Австрии и Германии¹².

Нельзя сказать, что болезнь не давала о себе знать, — в письмах того времени к друзьям то и дело находим жалобы на плохое самочувствие, вот в письме к Герцену от 10 (22 июля) 1857 года:

«Здоровье мое все неудовлетворительно; пузырь болит почти постоянно, и мне кажется, что зинцигские воды мне несколько не помогают».

В то же время, несколькими днями раньше, 4 (16) июля Тургенев пишет И. И. Панаеву, что «воды помогают»¹³. А в сентябре 1857 года в письме Некрасову сообщает: «...здоровье мое поправилось, то есть, говоря точнее, болезнь временно притихла»¹⁴.

Весь период 1857—1859 годов Тургенев проводит в нескончаемых путешествиях. Правда, зимой 1857 года он «сидит» в Париже, принимает «гостей из России»: вначале Некрасова (тот, впервые выехавший за границу, остановился у него), затем Толстого. С Толстым в феврале совершает поездку из Парижа в Дижон. В апреле в Париж снова приезжает Некрасов, но не один, а с Авдотьей Панаевой, естественно, они встречаются с Тургеневым¹⁵ (причем Некрасов пишет в письме Толстому: «Тургенев просветлел... Болезнь его не мучит, другие дела, важные для него, идут, должно быть, хорошо»¹⁶). Писательские дела Ивана Сергеевича действительно идут хорошо. Еще до его отъезда во Францию в России был опубликован сборник «Повести и рассказы», куда вошли произведения с 1844-го по 1856 год; сборник вызвал широкий отклик; в № 10 «Современника» была напечатана повесть «Фауст», хорошо встреченная публикой. Появилось несколько рецензий на то и другое.

В мае 1857-го Тургенев направляется в Лондон, встречается там с Герценом.

В октябре едет с Боткиным в Рим, о чем мы еще скажем, оттуда в Ливорно и Чивитавеккья. Это неполный список путешествий Тургенева в период, названный Евгением Семеновым временем «смертельной болезни».

Он отмечен тем, что на всем его протяжении Иван Сергеевич находится далеко от Полины. Евгений Семенов пишет по этому поводу: «Как душа, страдающая от боли, Тургенев постоянно движется... в первые месяцы „кризиса“» (с. 61, пер. с фр.) Мне же кажется, что все происходит ровно наоборот. Не «кризис» вызывает перемещения, а перемещения — кризис. И причина этих перемещений, этого удаления, как я считаю, лежит на поверхности.

Вот об этой причине я бы и хотела сейчас сказать.

Полина беременна. Тургенев как вероятный отец ребенка в это посвящен. Какие мысли им владеют? Думаю, что он, как и Полина, не хочет, чтобы появление ребенка

¹¹ ПСС и П, т. 3, с. 391, из письма к Луи Виардо.

¹² См. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818—1858). СПб.: Наука, 1995, составитель Н. С. Никитина, с. 364—439

¹³ ПСС и П, т. 3, с. 233.

¹⁴ Там же, с. 257.

¹⁵ В это время Некрасов — ближайший друг Тургенева, любящий его и любимый им; до их финальной ссоры, вызванной статьей Добролюбова (1860), еще несколько лет.

¹⁶ Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818—1858), с. 381.

вызвало сплетни и пересуды, а также какие-либо подозрения у Луи Виардо. Добившись любви Полины, Иван очень умело играл роль «друга семьи», не возбуждая ревнивых подозрений в муже любимой, участвуя с Луи в совместной охоте, помогая ему в переводах своих и чужих произведений. Нет, он не хочет оказаться в ситуации «настоящего отца» при «отце фиктивном». А еще — боится неопределенности: Полина не молода, ей 36 лет, неизвестно, чем кончится беременность. А вдруг смертью матери или ребенка? А по своему психотипу Тургенев избегает смерти и похорон, чему можно найти несколько подтверждений. Он не присутствует при кончине Герцена и на его похоронах, хотя при желании мог бы; не очень спешит к умирающей матери и на ее похороны, так что ее хоронят без него... Тургенев, как кажется, щадит свою психику, задетую в его ранней юности смертью отца — практически на его глазах — и последовавшими затем похоронами. В это время, как известно, рядом с юными Иваном и Николаем был только брат отца, Николай Николаевич Тургенев, мать, Варвара Петровна, находилась в заграничном вояже и вернулась из него только через восемь месяцев после похорон мужа.

Нет, Тургенев не хотел присутствовать при родах. И вот в мае, примерно за два месяца до назначенного Полине «срока», он уезжает. Сначала, как мы уже упоминали, он едет в Лондон, к Герцену, и затем совершает все те путешествия, которые перечислялись. Да, он посещает воды, консультируется с врачами. Но как кажется, отчасти это прикрытие для того, чтобы оторваться от Полины и предстоящих родов, запутать следы для тех, кто очень хотел бы дознаться, кто истинный отец ребенка...

Здесь следует сделать одно существенное замечание.

Зрелый Тургенев демонстрирует поразительную скрытность. Он умеет хранить свое при себе, и если раскрывается, то в произведениях, и то часто в «зашифрованном виде»¹⁷. Это в молодости, по рассказам Авдотьи Панаевой (см. ее «Воспоминания»), он на всех перекрестках трубил о своей любви к певице. Прошло время — и Тургенев сильно изменился. Все без исключения его близкие друзья — Некрасов, Толстой, Фет — считали его чувство к Виардо безответным и очень ему сочувствовали. Однако же это было не так. В чем причина? Не в том ли, что он никому из них не открылся, не сказал, что пользуется взаимностью своего «предмета»? Редкое свойство настоящих мужчин. Мне уже приходилось писать, что, по всей вероятности, между Полиной и Иваном существовал «договор»: никто не должен знать об их подлинных отношениях.

И по-видимому, оба этот договор выполнили... Причем Тургенев с «перевыполнением» — столько жалоб выслушали его друзья на «одиночество», бессемейность, безответное чувство... Тургенев прекрасно научился ладить с мужем Полины, используя «онегинскую» стратегию: «Но вы, блаженные мужья, с ним оставались вы друзья». Позднее той же самой стратегией воспользуется Владимир Маяковский и по отношению к Осипу Брику, и — особенно — к Михаилу Яншину, мужу Вероники Полонской. Тургеневу удавалось уводить «интересующихся» в другую сторону¹⁸. Ведь не случайно до самого последнего времени исследователи терялись в догадках насчет природы отношений Тургенева и Полины Виардо. И не наткнись российский исследователь на запись в «Мемориале» и не расшифруй ее, думаю, этот вопрос до сих пор был бы не прояснен.

¹⁷ Так, о «колдовской» любви, приведшей к рождению ребенка, говорится в «Песне торжествующей любви», которую можно прочесть как аллегорический (зашифрованный) рассказ о любви Ивана и Полины, о чем я буду писать в главе о Поле.

¹⁸ См. мою статью «Иван Тургенев в 1850 году. Жизнь в двоимирье», где есть примеры на эту тему в связи с анализом тургеневских пьес, в частности «Месяца в деревне» и «Провинциалки».

Итак, в мае 1857 года Тургенев уезжает из Парижа в Англию. Полину, находящуюся в беспокойном ожидании родов, письмами не балует. 25 мая (6 июня) в письме к ней рассказывает о четырех днях, проведенных в Англии¹⁹. За рамками письма остается посещение Герцена. Когда в Лондон приезжают Некрасов с А. Я. Панаевой, Тургенев по просьбе Некрасова пытается убедить Герцена встретиться со своим ближайшим петербургским другом. Герцен от встречи отказывается²⁰. В середине июня Тургенев вместе с Некрасовым и Панаевой возвращается из Лондона в Париж. Тогда же, как сообщает «Летопись...», он играет «в портреты» в доме Виардо²¹. Полине остается месяц до родов.

Но Иван в Париже не остается, вместе с Некрасовым и Панаевой едет в Берлин, отсюда уже один в Дрезден «на консультацию» к доктору Геденусу, затем, по его рекомендации, — на воды в Зинциг. «Болезнь» не мешает Тургеневу совершить вместе с новыми знакомцами-русскими, бывшим военным, ныне художником Никитиным и братом и сестрой Сабуровыми, — «большую прогулку по долине Ары»²². Тургенев, как представляется, не столько «лечится», сколько принимает процедуры в профилактических и психотерапевтических целях. Его состояние нисколько не мешает ему совершать долгие прогулки, путешествовать по окрестностям, работать (начинает «Асю»).

Некрасов с Панаевой уезжают в Россию, и в письме с родины друг предостерегает Тургенева от возвращения в Париж: «Вспомни, как ты трудно отрывался. Приезжай сюда (в Россию. — И. Ч.), не заезжая в Париж»²³. Некрасов видит в Тургеневе «собрата по несчастью» — его собственная связь с Авдотьей Панаевой близится к окончательному разрыву.

В Зинциге Ивана застаёт письмо Луи Виардо — с сообщением о рождении 8 (20) июля 1857 года сына Поля²⁴.

Реакция Ивана Сергеевича на это сообщение какая-то экстремально громкая и неестественная. Приведу только начало (здесь и далее пер. с французского): Полине Виардо. Зинциг, 12 июля 1857. «Ура! Ура! Lebehoch! Vivat! Ewiva! Zurg! Да здравствует маленький Поль! Да здравствует его мать! Да здравствует его отец! Да здравствует все семейство. Bravo! Я же говорил, что все кончится хорошо и что у вас будет сын...»²⁵. Все письмо выдержано в бравурном тоне, не свойственном Тургеневу, что он и сам признает: «Я немного заговариваюсь, но это простительно в моем возрасте и если учесть ту радость, которую вызвала во мне эта новость»²⁶.

Радость сильно отзывается фальшью. Есть в письме и предсказание, впоследствии сбывшееся: «Я становлюсь пророком, я читаю во мраке грядущего, в Conversation Lexicon (Британская энциклопедия. — И. Ч.) 1950 г.: „Виардо (Поль, Луи, Иоахим) ЗНАМЕНИТЫЙ (пропускаю «кто»), родился в Куртавнеле, в Бри, и т. д. и т. д., сын знаменитой Полины Гарсиа и т. д. и т. д. и одаренного писателя и переводчика «Дон Кихота»»²⁷.

¹⁹ См. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818—1858), с. 385.

²⁰ Причиной является осадок, оставшийся у Герцена от дела об «огаревском наследстве», он считает Некрасова мошенником, присвоившим огаревские деньги. См. мою статью «Сожженные письма. Переписка Николая Некрасова и Авдотьи Панаевой» в кн. «Три женщины, три судьбы» (М.: Ленанд, 2014, с. 147—163), а также повесть «Дело о деньгах. Из тайных записок Авдотьи Панаевой», написанную по документальным источникам.

²¹ Летопись... с. 387.

²² Там же.

²³ Там же, с. 388.

²⁴ Там же, с. 390.

²⁵ Тургенев И. С. Полное собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1978—2018. Письма: В 18 т. М.: Наука, 1987, т. 3, с. 378.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

Полю действительно стал знаменитым скрипачом. Но как кажется, Тургеневу важнее было назвать имя «отца» ребенка, наделив его к тому же превосходными характеристиками «одаренный писатель», «переводчик «Дон Кихота» (Луи в молодости перевел с испанского роман Сервантеса). Здесь можно заподозрить как желание отвести от себя подозрения и успокоить родителей младенца (Луи — в отношении его отцовства, Полину — в незыблемости ее репутации), так еще и некий самогипноз: не я его отец, не я его отец, даже и не думайте...

Нам еще предстоит проследить за отношениями Тургенева и Поля. И первое, что сразу бросается в глаза, — это почти полное отсутствие упоминаний о Поле в тургеневских письмах. Но об этом — в третьей главе.

Итак, Полина в Париже родила мальчика. Тургенев в это время в немецком Зинциге «лечится» на водах. «Манит страсть к разрывам», сказал поэт. Некрасов, чья любовная история напоминала тургеневскую (связь с женой друга и компаньона Ивана Панаева), недаром призывал Тургенева «не возвращаться в Париж». Сам он после приезда в Россию в июне 1857 года рвет с Панаевой, пытается как-то иначе устроить свою жизнь, дается ему это нелегко, свое состояние в письме к Тургеневу он описывает так: «Горе, стыд, тьма и безумие»²⁸.

Можем предположить, что, оторвавшись от Полины, Тургенев тоже думал о каком-то другом варианте своей судьбы. Некоторый намек на мысли и чувства Тургенева в это время содержится в повести «Ася» (июнь—ноябрь 1857 года).

Рассказ ведется от лица некоего Н. Н., 25-летнего русского, путешествовавшего по Европе и случайно оказавшегося в захолустном немецком городишке на берегу Рейна. Он свободен и беззаботен, если не считать печали из-за того, что красивая молодая вдова, встреченная на водах, предпочла ему баварского лейтенанта. Но его ожидает более романтическая и важная встреча — с Асей, русской девушкой, дикаркой и чудачкой, которую сопровождавший ее молодой и милый господин по фамилии Гагин с некоторой запинкой рекомендует ему «своей сестрой». Ася нравится рассказчику, но он предполагает, что она Гагину не сестра. При этом все поведение Аси говорит, что она влюблена в героя. Выясняется, что девушка все же сестра Гагина, но сводная, его отец «согрешил» с горничной своей умершей жены. Так что Ася, которой минуло семнадцать, — во-первых, незаконное дитя, во-вторых, дитя мезальянса. Тургеневу было с кого писать этот тип. Его собственной «незаконной» дочери Полинетте, чья матерью была белошвейка Авдотья Иванова, было в это время 15 лет. Ася, при всей импульсивности своего характера, герою нравится, но «жениться на семнадцатилетней девочке, с ее нравом, как это можно!»²⁹ Чернышевский в своей знаменитой статье³⁰ говорит о «дрянном бессилии характера» героя. Если отнести это к самому автору и задаться вопросом, только ли «бессилие характера» мешает ему ответить на чувство влюбленных в него девушек, при том, что он и сам осознает их очарование (таких историй в жизни Ивана Сергеевича было много, некоторые нашли отражение в его произведениях), то мы снова упираемся в феномен Полины Виардо. Отрава вошла в сердце. Даже если очень хочется вырваться, певица «не отпускает», флирт и увлечения — позволительны, но что-то большее, например, женитьба, которая может повлечь за собой переход на иную жизненную дорогу, весьма проблематично. Как бы герою ни хотелось вырваться из назначенного ему круга, дорога снова приво-

²⁸ Переписка Некрасова: В 2 т. М.: Художественная литература, 1987, т. 1, с. 475 (также см. мою статью «Сожженные письма» в кн.: Ирина Чайковская. Три женщины, три судьбы. Полина Виардо. Авдотья Панаева, Лиля Брик. М.: Ленанд, 2014, с. 147—163).

²⁹ И. С. Тургенев. Избранные произведения, М.; Л.: Огиз, 1947, с. 112.

³⁰ Н. Г. Чернышевский. Русский человек на rendez-vous. Размышления по прочтении повести г. Тургенева «Ася». <https://ru.wikisource.org/wiki>.

дит его назад... Вот конец «Аси»: «Осужденный на одиночество бессемейного бобыля, доживаю я скучные годы»³¹. Тургеневу легче было фатально подчиниться некоему влекущему его потоку (у Есенина это называется «рок событий»), чем осваивать незнакомые, грозящие непредвиденными вспышками пути.

В повести «Ася» есть упоминание идиллии Гёте «Герман и Доротея», которая была неким «талисманом» любви для Ивана и Полины. Приведу это место: «В тот же день, вечером, я читал Гагину „Германа и Доротею“. Ася сперва все только шныряла мимо нас, потом вдруг остановилась, приникла ухом, подседа ко мне и прослушала чтение до конца. На следующий день я опять не узнал ее, пока не догадался, что ей вдруг вошло в голову: быть домовитой и степенной, как Доротея»³². Нет, не случайно в повести о несостоявшейся любви возникает этот тургеневский «ориентир». Мы знаем, что в летнем письме 1850 года из России Тургенев напоминает Полине, как «ровно год назад» они вместе читали эту поэму, только что вышедшую из-под пера Гёте. Особенно значимым становится это напоминание в контексте того, что лето 1849-го — это время, когда Полина и Иван по-настоящему обрели друг друга³³. Появление в тексте «Аси» этого кусочка — отсылка памяти писателя к той, о ком он не мог не думать, находясь в отдалении.

И однако... Метания были. Тургенев не мог полностью отрешиться от мнения друзей, в особенности Некрасова, считавшего, что Иван должен освободиться от влияния Полины Виардо, вырваться на волю. Личная жизнь самого Некрасова, по мнению Тургенева, катастрофична. В письме к Павлу Васильевичу Анненкову он так отзывается о союзе Некрасова и Панаевой: «Я из Англии вместе с Некрасовым вернулся в Париж, а оттуда проводил его и г-жу Панаеву до Берлина: он возвратился в Россию — и вероятно, теперь уже в Петербурге. Он очень несчастный человек: он все еще влюблен в эту грубую и гадкую бабу — и она непременно сведет его с ума»³⁴. Еще резче о Панаевой — в письме к Марии Николаевне Толстой. Удивительно читать эту суперзлую характеристику одной женщины в письме к другой, данную обычно не выходящим за рамки «светских приличий» Тургеневым: «Я Некрасова проводил до Берлина; он уже должен быть теперь в Петербурге. Он уехал с г-жею Панаевой, к которой он до сих пор привязан — и которая мучит его самым отличным манером. Это грубое, неумное, злое, капризное, лишенное всякой женственности, но не без дюжего кокетства существо (*soit dit entre vous*)³⁵ — владеет им как своим крепостным человеком. И хотя бы он был ослеплен на ее счет! А то — нет»³⁶.

Понимал ли автор этих строк, хотя бы подсознательно, что нечто похожее можно сказать и про его собственные отношения с Полиной Виардо?

Ситуация Некрасова зеркально отражала ситуацию самого Тургенева, который в сентябрьском письме к другу так пишет о своей ближайшей цели: «Лишь бы выкарабкаться на берег, а там еще, быть может, ноги послужат... авось мы еще не утонем»³⁷.

Письмо к Марии Николаевне Толстой имеет продолжение. Тургенев пытается понять причину описанного явления: «Но ведь — известное дело: это все тайна — или, говоря правильнее — чепуха. Тут никто ничего не разберет, а кто попался — отдувайся, да еще, чего доброго, не кряхти»³⁸. Даже такому знатоку любви, как Тургенев, невоз-

³¹ И. С. Тургенев. Избранные произведения, с. 117.

³² Там же, с. 103.

³³ См. Ирина Чайковская. Иван Тургенев как читатель Гёте. Семь искусств, № 12 (48), декабрь 2001.

³⁴ ПСС и П, т. 3, с. 233.

³⁵ Пусть это будет сказано между нами (с франц.).

³⁶ ПСС и П, т. 3, с. 235.

³⁷ Там же, с. 257.

³⁸ Там же, с. 235.

можно постичь эту «чепуху», иначе «тайну». Раз попался в любовные сети — отдувайся, а почему — «никто ничего не разберет».

Итак, именно в названный нами период — с весны 1857 года — Тургенев усиленно думает о возможности «выкарабкаться на берег». Одна из возможных «претенденток» — сестра Льва Толстого Мария Николаевна Толстая, почтовый роман с которой разворачивается как раз в это время. Мария Николаевна очень привлекательна и явно к нему неравнодушна. Ушла от нелюбимого мужа, взяв с собой детей, уж не потому ли, что наконец в лице Ивана Сергеевича встретила своего «героя»? А он не спешит разуверить (и разувериться), пишет в июне 1857-го: «...я вас увижу довольно скоро — и мысли об этом свидании доставляют мне большое удовольствие»³⁹.

Излагает ей свой план на ближайшие месяцы: «Я пробываю здесь (в Зинциге. — И. Ч.) до половины августа — потом еду в Париж, беру мою дочку и еду в имение г-на Виардо, где пробываю три недели или месяц — самое большое; потом благословясь, пускаюсь в Россию — и если не в конце сентября, то уже, наверное во время выборов буду в Спасском и, следовательно, у Вас»⁴⁰.

Но этим планам сбыться не суждено. С 23 августа до середины октября 1857-го — как указано в комментарии⁴¹ — Тургенев находится в Куртавнеле. В «Летописи жизни и творчества Тургенева...» я нашла объяснение изменению тургеньевских планов: «Около, не позднее 6 (18) августа. Т. получает письмо (неизв. — по-видимому, от П. Виардо), вследствие которого решает выехать в Париж ранее намеченного срока»⁴². Итак, его вызвала Полина. В следующий раз она вызовет Тургенева в 1860 году, когда трехлетний Поль заболеет сильнейшим воспалением легких и его жизнь будет в опасности⁴³. Может быть, и в первый раз было что-то подобное?

Но Тургенев уже настроился на «побег». В октябре 1857 года он неожиданно едет с Боткиным в Италию. Объясняет это так: «Что же касается до моего внезапного путешествия в Рим, то... вы, я надеюсь, убедитесь сами, что для меня после всех моих тревожений и мук душевных, после ужасной зимы в Париже — тихая, исполненная спокойной работой зима в Риме, среди этой величественной и умирающей обстановки, просто душеспасительна». И дальше: «Я сперва изумился предложению (В. П. Боткина. — И. Ч.), потом ухватился за него с жадностью, и теперь я и во сне каждую ночь вижу себя в Риме»⁴⁴. Так бывает: человеку кажется, что есть некое спасительное место, где все проблемы тебя оставят, твоя душа успокоится. Тургенев верит, что Рим для него именно такое место. Переписка с Полиной продолжается. Но становится односторонней. Она не отвечает. В письмах Тургенева с описанием его путешествий, всевозможных природных, архитектурных и прочих красот то и дело встречаются фразы типа:

«...Я был бы счастлив найти от вас на почте письмо» (из Ниццы, 21 октября, 1857 г.), «Надеюсь (так уж устроен человек!) найти от вас письмо в Риме — какое это было бы

³⁹ Там же, с. 236.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Комментарий к письму Д. Я и Е. Я. Колбасиным, с. 555. По-видимому, Тургенев находился в Куртавнеле не с 23-го, а с 21 августа, так как именно этой датой помечено его письмо к В. П. Боткину из Куртавнеля.

⁴² Летопись... с. 395.

⁴³ См. письмо Тургенева Анненкову от 26 июня — 8 июля 1860. За указание на этот источник я благодарю Н. Г. Жекулина. Поль болел также в 1859 году, когда в Париже шла премьера «Орфея» Глюка в обработке Берлиоза. Рассказывают, что Полина пела премьеру, обливаясь слезами. См. письмо Тургенева Полине Виардо из Спасского: «...(Поль) я надеюсь не будет доставлять вам столь ужасные волнения» (из письма 11/23 окт. 1859. ПСС и П, т. 4, с. 420). В своих воспоминаниях Поль Виардо говорит о тяжелом воспалении легких, которое перенес в раннем детстве. Тургенев, находясь в это время в России, естественно, не мог вырваться в Париж.

⁴⁴ ПСС и П, т. 3, с. 260, 23 сент. 1857 г. в письме к П. В. Анненкову.

счастье!» (из Генуи, 27 октября 1857). В письмах дочери Полинетте, которых стало заметно больше в этот период, он просит: «Прошу тебя... сообщить мне о г-же Виардо и обо всей ее семье». Далее следует горькая констатация: «Я надеялся по приезде сюда найти от нее письмо — но, видно, отсутствующие неправы» (французская поговорка. — *И. Ч.*). Неожиданно получив от Полины Виардо весточку в Риме 1 февраля 1858 года (с момента его отъезда в мае 1857 года до ее первого письма прошло девять (!) месяцев), отвечает длинным письмом, где есть такая конструкция: «Я так РАД, что вы РАДЫ...» В письме сообщает, что тотчас сел за ответ, «преисполненный благодарности за память обо мне», а в конце молит: «Пишите мне совсем маленькие письма, если вам будет угодно, но пишите»⁴⁵.

О гастрольных маршрутах певицы (а она очень скоро после рождения Поля возобновила свои выступления в Европе) Тургенев узнает не от нее, а от друзей. Так, Павел Анненков сообщает, что Виардо в апреле 1858 года едет в Берлин, и Тургенев устремляется за ней⁴⁶. В Лейпциге они встречаются. Но судя по тому, что после этой встречи Иван Сергеевич пишет в основном Полинетте, отношения с Полиной Виардо так и не наладились...

Лето 1858 года писатель проводит в Спасском, работает над «Дворянским гнездом». Полагая, что в это время семья Виардо находится в Куртавнеле, он пишет: (в письме Полине от 9/21 июля 1858 года): «Думайте немного обо мне и пишите мне во время вашего пребывания в Куртавнеле. Что до меня, то я думаю постоянно — могу сказать это без всякого преувеличения — даже за работой — обо всем, что я оставил, что любим мною во Франции»⁴⁷. Нет, Иван Сергеевич, скорее всего, не остался точно таким «влюбленным безумцем», каким он был в 1850 году, когда, приехав в Россию, жил в «двоемирье», изо дня в день поверяя свои мысли и впечатления французской возлюбленной⁴⁸. Но что-то от того влюбленного в нем бесспорно сохранилось. И с одной стороны, он рвался прочь от Полины, искал каких-то иных возможностей — в 1859 году начался его роман с Марией Александровной Маркович (Марко Вовчок)⁴⁹, длившийся пять лет, — а с другой — очень боялся потерять ту, которую нашел для себя в молодости и которая стала для него «путеводной звездой». Отношения с Полиной не налаживались, переписке грозило прекращение: «Я с огорчением предвижу изрядный перерыв в нашей переписке, которой все же не следует дать погибнуть после того, что она так долго продолжалась» (из письма Полине Виардо. С.-Петербург, 18/29 ноября 1858)⁵⁰. Этой ситуации во многом способствовал разлад отношений Полины Виардо и Полинетты Тургеневой. 16-летняя отроковица «восстала» (о чем будет рассказано в следующей главе). В 1859 году отношения между Полиной и Иваном испортились настолько, что он не знает, пригласят ли его, как обычно, на лето в Куртавнель. Он пишет Полинетте: «...я поеду в Куртавнель (надеюсь, что меня туда пригласят!)»⁵¹. А незадолго до этого в письме к Полине и Луи он буквально навязывает себя семье Виардо: «Если вы, как и прежде, захотите оказать мне гостеприимство в Куртавнеле, после моего возвращения из Виши (он лечится на водах. — *И. Ч.*), я, может, смогу показать вам свою новую работу (роман «Дворянское гнездо». — *И. Ч.*) или же мы займемся переводом лири-

⁴⁵ Там же, т. 3, с. 390 и 391.

⁴⁶ Там же. Комментарий 3, с. 591.

⁴⁷ Там же, т. 3, с. 399.

⁴⁸ См. мою статью «Иван Тургенев в 1850. Жизнь в двоемирье».

⁴⁹ См. мою статью «Женщина неробкого нрава (Мария Маркович и Иван Тургенев)» в ж. «Слово/Word», № 87, 2015 и «Иван Тургенев и Мария Маркович. История отношений», ж. «Чайка», 29 авг. 2015.

⁵⁰ ПСС и П, т. 3, с. 403.

⁵¹ Там же, т. 4, с. 412.

ческих стихотворений Пушкина» (в письме Полине и Луи Виардо от 8—20 июня 1859)⁵². Тургенева в Куртавель пригласили.

Закончить эту главу мне хочется словами письма, написанного в декабре—январе 1858—1859 гг. в Санкт-Петербурге: «Но поскольку все в природе стремится к своему центру притяжения — я вновь во власти дорогих и милых воспоминаний о вас, и мне необходимо хоть немного побеседовать с вами»⁵³. При всех колебаниях и пертурбациях прежнее чувство сохранилось — и у него, и у нее. С начала 1860-х годов, времени ухода Полины из Большой оперы и переезда семьи в Баден-Баден, жизнь Тургенева входит в прежнее русло, начинается «баденский» — счастливый для него — период. Время, когда он живет рядом с возлюбленной, в ее семье, и его дорога окончательно определяется...

Глава 2. Иван Тургенев и Полинетта Тургенева в 1857—1859 годах

В начале внесем коррекцию в даты и факты, которые встречаются в статьях о Полинетте Тургеневой. Родившаяся 26 апреля 1842 года, она умерла не в 1917-м и не в 1918-м, а в 1919 году — эта дата указана в книге Евгения Семенова, первого публикатора писем к ней Тургенева⁵⁴. Ее муж Гастон Брюэр не был владельцем стекольной фабрики⁵⁵, он был ее управляющим, а с 1871 года «единоличным арендатором»⁵⁶.

Полинетта Тургенева вышла замуж за Гастона Брюэра 13 февраля 1865 года, ей было не 17 лет, как сказано в некоторых статьях, а 23 года.

К сожалению, из писем Полинетты к отцу сохранились только два, они опубликованы Татьяной Ильичной Бронь в ее «Материалах к ПСС и П И. С. Тургенева».

Однако даже одни тургеневские письма к дочери дают довольно объемную картину и ее жизни, и характера, и той эмоциональной связи, которая существовала между нею и отцом.

Письма писались тогда, когда Тургенев находился не в Париже, а в рассматриваемый нами период — время странствий — Иван Сергеевич в основном находился не в Париже. Он общался с Полинеттой и «воспитывал» ее посредством писем и с их помощью. И писем к Полинетте написано им немало, особенно в 1858—1859 годах, когда эпистолярный поток в сторону Полины Виардо сильно сократился.

Какой была Полинетта? Вот несколько ее словесных портретов, принадлежащих друзьям Тургенева:

В. П. Боткин в письме к брату (в 1857):

«Вчера вечером приехал Тургенев <...> Завтра буду обедать с его дочерью, которую я маленькой, запуганной дворовой девочкой сажал в Москве в почтовую карету, когда ее отправляли в Париж. Теперь это стала милая девушка <...> Она еще находится здесь в пансионе, а вакационное время и праздники проводит у Виардо». «Вчера обедал я с дочерью Тургенева — ничего не осталось в ней русского, и язык совершенно забыла. Только славянская физиономия сохранилась и славянская тихость и простодушное выражение»⁵⁷.

⁵² Там же, т. 4, с. 412.

⁵³ Там же, т. 3, с. 405.

⁵⁴ См. Е. Semenov. La vie douloureuse d'Ivan Tourguéneff, Paris, 1933, p. 253.

⁵⁵ Ее владельцем был зять хорошей знакомой Тургенева, а затем и Полинетты Валентины Делессер — С. де Надайка. См. Т. И. Бронь. Тургенев и его дочь Полина Тургенева-Брюэр. Тургеневский сборник. Материалы к ПСС и П И. С. Тургенева. М.; Л.: Наука, 1964, с. 5.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ См. ПСС и П, т. 3, с. 561.

Н. В. Щербань (в 1860–1861):

«...на пороге показалась... молодая девушка в изящном темном выходном костюме, с веселыми глазками, некрасивым, но симпатичным личиком и такими типичными чертами, что я невольно заговорил по-русски...»

П. В. Анненков (в 1864): «Дочь ваша с 58 года, когда я ее видел впервые, много изменилась: в ней засветились ум, сметливость, даже ирония и юмор, которые при ее откровенной и добродушной живости — значительно поднимают ее из уровня водевильно-грациозных и остроумных французских девушек... я, признаюсь, очень порадовался, заметив в ней некоторую тревогу мысли, вероятно возбужденную вашими советами и советами М-me Iimis (искаженное имя гувернантки-англичанки. — И. Ч.)»⁵⁸.

Полинетта внешне была похожа на Тургенева, но по своей внутренней сущности многое унаследовала от матери, не будучи художественной натурой — о чем говорят и отзывы о ней самого Тургенева, и полное отсутствие тем, связанных с искусством, в его письмах к ней, — была существом вполне земным, далеким от мечтательности. Вот как писал о ней Тургенев в письме к графине Ламберт 1859 года: «При большом сходстве со мною — она натура совершенно различная от меня: художественного начала в ней и следа нет; она очень положительна, одарена характером, спокойствием, здравым смыслом: она будет хорошая жена, добрая мать семейства»⁵⁹.

Любопытно, что примерно в это же время в переписке Тургенева и Марии Маркович то и дело возникают имена писателей и названия книг, которые Иван Сергеевич рекомендует прочесть своей молодой корреспондентке. Чуть позже, освоившись за границей, и корреспондентка в свою очередь рекомендует Тургеневу прочесть то или иное сочинение. В переписке Тургенева с мадам Виардо постоянно мелькают названия театральных постановок, книг, авторов. А вот дочери он ни о чем таком не пишет. Видимо, не чувствовал в ней этой потребности.

Отца Полинетта обожала, очень страдала, когда он был далеко. Детская психологическая травма — в восьмилетнем возрасте она была отправлена из России во Францию и до 1856 года была лишена не только матери, но и непосредственного общения с отцом — не могла на ней не сказаться. Все те свойства характера, за которые в письмах отчитывал ее отец, как кажется, были во многом обусловлены обстоятельствами ее рождения и воспитания. Девочка воспитывалась в семье Полины Виардо, среди ее родных детей и, по-видимому, постоянно ощущала, что она здесь «чужая», «другая», «не своя». Французский стал ее родным языком, русский она забыла — и Тургенев даже поощрял в ней это, считая, что Полинетте русский язык не пригодится. Выбирая в пансионе иностранные языки для изучения, она остановилась на английском и испанском, а впоследствии изучила итальянский.

Еще одно обстоятельство, вернее, комплекс обстоятельств влиял на отношения отца и дочери.

Полинетта не могла не видеть, как отец относится к мадам Виардо, сколько внимания ей уделяет. Кроме ревности к Виардо и обиды на отца, она испытывала «праведное негодование» в отношении Полины Виардо, жены другого человека, уверенно и властно претендовавшей на того, кто не был ей законным мужем. Все это наслаивалось на некоторые штрихи в поведении самой Полины Виардо в отношении «воспитанницы». Как кажется, довольно рано между нею и Полинеттой пробежала искра раздражения, со временем разгоревшаяся в мощное пламя. После смерти Тургенева, живя в Париже, Полинетта не общалась ни с кем из семьи Виардо, окончательно рассорившись со всеми. Исключение составлял Поль, который, возможно, тоже ощущал свою «особость» в этой семье.

⁵⁸ Т. И. Бронь. Указанное сочинение, с. 3.

⁵⁹ Там же, с. 4.

Сложности с воспитанием Полинетты семья Виардо почувствовала рано. Уже в 1854 году (Полинетте 12 лет) Полина Виардо в письме сообщает Тургеневу «о затруднениях, связанных с воспитанием его дочери»⁶⁰. Позднее сложности нарастали, о чем мы скажем при рассмотрении писем Тургенева к дочери 1857—1859 годов, к чему сейчас и приступим.

Итак, Тургенев в эти годы много путешествует. Лечится: пьет воду, ходит на процедуры, просто ездит и смотрит на чудеса мира — один или в обществе старинного друга Василия Боткина.

В ноябре 1857 года они с Боткиным оказываются в Риме, куда так рвалась душа Тургенева. В письме к Полинетте от 2 ноября 1857 года (девочке 15 лет) Иван Сергеевич очень скупо пишет о своих впечатлениях — в основном о «прекрасной погоде», зато настойчиво просит «написать... сразу по получении письма и сообщить... о г-же Виардо и обо всей ее семье»⁶¹. Просьбу объясняет тем, что надежды найти по приезду в Рим письмо от нее не сбылись. В конце письма еще несколько вопросов, связанных с Полиной (об ее ученице м-ль Арто, здоровье Ари Шеффера и планах певицы относительно гастролей в Лондоне). И наконец, наставление для Полинетты в предпоследней фразе письма: «...работай хорошенько».

Привожу это письмо как некий образец прочих тургеневских писем этого периода. В большинстве из них Тургенев настойчиво спрашивает о мадам Виардо, ее здоровье и планах — сама она в этот период ему не пишет — наставляет Полинетту «хорошо работать», а также призывает к «размышлению и вниманию», просит искоренять вопиющие ошибки во французском правописании, старательно изучать английский язык и играть на фортепиано, чтобы суметь, когда он приедет, не только сыграть для него музыкальную пьесу, но и разобрать по нотам партию для музицирования в домашнем ансамбле (например, в трио).

Никогда не слышала, чтобы сам Иван Сергеевич играл на фортепиано или разбирал нотные партитуры, но, по-видимому, это была его недостижимая мечта. Недаром граф Любин из автобиографической (хотя и написанной в комическом ключе) «Провинциалки» пишет музыку и поет под аккомпанемент провинциальной барыни свой «романс». Но как обычно бывает, свои невоплощенные мечты мы препоручаем воплотить нашим детям... Как оказалось, к музыке Полинетта была не слишком способна, языки же изучала прилежно и впоследствии исправила свой письменный французский и овладела английским (в этом ей помогла английская гувернантка мадам Иннис) и итальянским. Что до «размышления и внимания», то не в характере Полинетты было то и другое.

В январском письме из Рима 1858 года — очень важное для Полинетты сообщение, помещенное в PS: «Мое дорогое дитя, прошу тебя впредь подписываться П. Тургенева и передать госпоже Аран (в пансион. — И. Ч.), чтобы это имя писалось всюду, где речь идет о тебе»⁶². Однако до конца документы для дочери Тургенев так и не оформил, формально она по-прежнему считалась его «незаконной» дочерью, что вызвало массу сложностей при заключении ее брака с Брюэром.

Полинетта живет в пансионе, по воскресеньям и праздникам посещает дом Виардо, лето проводит тоже у них, в Куртавнеле. Чувствует она себя там чужой, нелюбимой... Благодаря отцу у нее появляются русские знакомые из знатных семей, проявляющие к ней интерес, в доме которых ей хорошо и где она «веселится»⁶³. К таким знакомым

⁶⁰ Летопись... с. 258.

⁶¹ ПСС и П, т. 3, с. 386.

⁶² Там же, с. 388.

⁶³ «...Я очень рад узнать, что ты веселишься, и очень благодарен семье Трубецких за доброту к тебе» (там же, с. 387).

относятся княгиня Трубецкая (в своем загородном имении «Бельфонтен» Трубецкие летом принимают и Тургенева, и Полинетту), семья Николая Ивановича Тургенева (однофамильца Ивана Сергеевича, «первого декабриста»), особенно его жена Клара и дочь Фанни, а также Ольга Александровна Тургенева, в замужестве Сомова, часто наезжающая в Париж; эта кузина Тургенева одно время, до отъезда писателя во Францию в 1856 году, была для него возможной «претенденткой» в жены⁶⁴. Позднее, уже в 1860-е годы, близким для Полинетты человеком станет французенка мадам Делесер, графиня по рождению, светская дама, подруга Мериме и приятельница Тургенева, устроившая брак девушки со своим племянником Гастоном Брюэром. Но это случится гораздо позже, в 1865 году.

Тургенев не сразу понимает, что Полинетте тяжело дается общение с Полиной Виардо (что было взаимно). Сказать отцу прямо о своих переживаниях Полинетта боится, чем вызывает его недовольство: «Что это за совет, о котором ты хотела попросить меня в своем первом письме? Не надо со мной таких недомолвок»⁶⁵. Недогадливость отца (или его желание сгладить ситуацию?) доходит до того, что на просьбу дочери заказать ей платье он отвечает следующим образом: «...я с удовольствием разрешаю тебе его заказать. Но коль скоро госпожа Виардо к моменту получения этого письма будет в Париже (в январе 1858-го Полина Виардо гастролировала в Варшаве. — И. Ч.), предоставляю ей решать, какого оно будет цвета и проч. и определить цену. Я могу уделить до 100 франков, но пусть решает она сама». Кажется, нельзя больше уязвить 16-летнюю, душевно ранимую девушку, чем предоставить подбирать ей платье — его цвет и цену — ее «врагине». Но отец продолжает в том же роде, еще более заостряя ситуацию: «Ты будешь рада ее увидеть, не правда ли? Я хочу дать тебе поручение, которое тебе будет приятно: когда будешь ее благодарить, поцелуй ей крепче обе руки за меня» (курсив мой. — И. Ч.)⁶⁶ (31 янв. 1858).

О том, что Тургенев действительно не понимает характера отношений между дочерью и мадам Виардо (или старается их сгладить?), свидетельствует схожий пассаж в письме к Полине Виардо, написанном на следующий день после письма к Полинетте: «Полинетта просит меня заказать ей платье. Я не против, но решите сами, что следует сделать и за какую цену. *Вот кто еще будет рад видеть вас! Когда она будет целовать вашу правую руку, подумайте, что я целую левую* (курсив мой. — И. Ч.)⁶⁷ (1 февраля 1858).

Для Полинетты целование рук барыни — травмирующий отголосок ее положения на родине, когда она была в полной власти помещицы, владелицы крепостных душ Варвары Петровны Тургеневой. Тургенев — мужчина и обожатель — может целовать руку даме без всяких побочных ассоциаций. Но странно, что он не думает об этих ассоциациях у Полинетты, когда просит ее поцеловать руки у Полины Виардо.

В мартовском письме из Флоренции опять просьба, причем настоятельная: «..тотчас по получении моего письма написать мне немедленно в Венецию (до востребования) 1) вернулась ли в Париж г-жа Виардо 2) как она себя чувствует и что делает Виардо...»

Только на третьем месте вопрос о самой Полинетте и ее друзьях: «что поддельываешь ты сама, что делает семья Трубецких и т. д. и т. д.».

Затем снова: «Не забудь сообщить мне, когда рассчитывает г-жа Виардо отправиться в Англию»⁶⁸.

⁶⁴ Они с Полинеттой очень сдружились, и в одном из писем Тургенев сообщит дочери, что видел на стене в комнате Ольги Александровны «ее фотографию».

⁶⁵ Там же, с. 386.

⁶⁶ Там же, с. 389.

⁶⁷ Там же, с. 391.

⁶⁸ Там же, с. 393.

Певица ему не пишет, о ее гастролях Тургенев узнает или из газет, или от друзей, или от дочери. По-видимому, он хочет с ней пересечься, чтобы наконец увидеться и, скорее всего, «выяснить отношения»; встреча происходит 3 апреля 1858 года в Лейпциге. Но как я уже писала, это не изменило ситуации...

Полинетта в частых письмах спрашивает, когда он вернется, волнуется, что он так долго отсутствует. В письме из Вены 8 апреля 1858 года Тургенев пишет: «Прежде всего успокою тебя относительно моего возвращения в Париж, оно задержалось — но будь уверена, что я не уеду в Россию тайком, не попрощавшись с тобой и не поцеловав тебя». И дальше: «Твоя привязанность ко мне очень меня радует». Правда, прибавляет к этому эмоциональному восклицанию и некоторый комический выговор: «...однако тревога, которую ты испытывала, повлияла на твою орфографию, и она сделалась еще более странной... Настаивать так на орфографии кажется мелочностью, но, помимо того, что мы совершенно вправе судить о чьем-либо образовании по тому, как он пишет, мы можем справедливо предполагать, что, если внимания недостает в мелочах, — его должно еще больше недоставать в больших делах»⁶⁹.

Тургенев не оставляет эту тему, всегда отмечает, насколько письмо грамотно написано. И в итоге дочь действительно стала писать грамотно, что, конечно, потребовало от нее труда, к чему и призывает отец: «...старательно трудись; настойчиво упражняйся на фортепиано; развлекаться будем потом»⁷⁰.

Можно подумать, что Тургенев только и знал, что читать дочери нотации. Но вот он пишет, что купил ей в Италии коралловые сережки и брошь неаполитанской работы. Полинетта под влиянием своих русских знакомых (особенно семейства Николая Ивановича Тургенева) захотела приобщиться к православию (позднее, при выходе замуж за француза, ей пришлось принять католичество) — и, по-видимому, попросила отца привезти ей освященные четки. Просьбу эту он выполнил: «Будь спокойна относительно ЧЕТОК, я везу их тебе, освященные насколько возможно»⁷¹. На содержание девочки он посылает деньги ее опекуну Луи Виардо, а в день ее рождения, находясь в мае 1858 года в Лондоне, просит в письме того же Луи (или, если его не будет на месте, г-жу Аран) дать дочке 25 франков, «записав на его счет». Причем оговаривает, что Полинетта может ими располагать, как заблагорассудится — «хотя бы на ветер бросить». Конец этого письма характерен — отец очень хочет, чтобы дочь его любила, ждала, думала о нем: «До скорого свиданья (увы, оно будет только следующей весной! — И. Ч.), будь здорова, трудись и думай обо мне»⁷².

Лето 1858 года 16-летняя Полинетта, как всегда, проводит в Куртавнеле. Тургенев в это время в Спасском, работает над «Дворянским гнездом». Он в отличной форме. «Вот я и дома. Мое здоровье хорошо; дом покрашен заново; мебель обита новой материей; теперь все выглядит довольно чисто. Сад великолепен — погода довольно хорошая, хотя и дождливая. Через несколько дней начнется охота, и уж я разгуляюсь» (из письма Полинетте от 9 июня 1858). Тут же вопросы о мадам Виардо, сообщившей ему в письме о смерти Ари Шеффера (у Тургенева «г. Шеффера». — И. Ч.). «Напиши мне, как только она вернется в Париж, и сообщи о ее здоровье. Расскажи мне также понемногу обо всем семействе, о м-ль Арто⁷³ (ученица Полины Виардо. — И. Ч.) и о твоих подругах, о семействах Тургеневых и о Трубецких»⁷⁴. И снова порядок следования

⁶⁹ Там же, с. 394.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же, с. 395.

⁷³ Это та самая Дезире Арто, знаменитая певица, которая в 1868 году гастролеровала в России и в которую влюбился Чайковский. В фильме «Чайковский» со Смоктуновским в главной роли роль «неотразимой» Дезире Арто исполнила «неотразимая» Майя Плисецкая.

⁷⁴ ПСС и П, т. 3, с. 397.

вопросов говорит о тургеневских приоритетах: Полина Виардо на первом месте. В следующем письме Тургенев отвечает на упреки дочери («головомойку») на нерегулярность и редкость его писем. Он находит очень важные и нужные слова, чтобы успокоить девочку: «Ожидай терпеливо моего возвращения и знай, что я люблю тебя всем сердцем и очень часто думаю о тебе»⁷⁵.

В летних письмах Полинетта пишет отцу о Куртавнеле. Письма невеселые. Она жалуется, негодует, изливает душу. Ей в Куртавнеле нехорошо. Ей было плохо, когда Полины Виардо не было на месте и родственники семьи, населяющие летнюю дачу, ссорились между собой, плохо было и когда Полина возвратилась с гастролей. Писем Полинетты у нас нет, но есть ответы на них Тургенева, на основе которых можно предположить, что же так травмирует девушку.

Одна из жалоб, на которую в письме из Спасского в октябре 1858 года отвечает Тургенев, — та, что он редко пишет, по всей видимости, ее забыл и не любит больше с тех пор, как находится в СВОЕЙ России. Жалоба детская, Полинетте хочется, чтобы отец подтвердил, удостоверил свою к ней любовь, чего, кстати, шекспировский король Лир требовал от своих дочерей.

Доказывать любовь — дело безнадежное, тот, кого любят, должен ее чувствовать. И Тургенев, конечно же, это понимает. Но Полинетте важно услышать подтверждение, и он подтверждает: «Все это — причуды: я тебе доказал, что люблю тебя, и докажу тебе это еще. Успокойся, вооружись терпением и трудись, остальное придет в свое время». В сущности, повторяет то, о чем пишет из письма в письмо: трудись, будь терпелива и жди. Полинетта написала отцу большое письмо с откровенным рассказом о своих переживаниях в Куртавнеле. Обвинения ложатся на мадам Виардо. Тургенев бросается на защиту любимой женщины... Он объясняет дочери, что причина конфликта — в ней самой: «Я нашел в твоём письме признаки недостатка, для искоренения которого ты должна приложить все усилия; я говорю о твоей чрезвычайной обидчивости, которая может сделать тебя раздражительной, озлобленной и даже неблагодарной»⁷⁶. Ключевое слово — последнее. Иван Сергеевич не слышит жалобы дочери, не сочувствует ее обиде — он защищает ту, которой когда-то послал свою прижитую на стороне восьмилетнюю девочку и в чьей семье она росла: «Г-жа Виардо забыла пригласить тебя на прогулку — вот так большая беда! Уж не думаешь ли ты, что у нее нет забот, беспокойств, и быть может, очень важных? Разве у нее не может быть дурного настроения, несмотря на столь совершенную ровность ее характера?» Нет, это совсем не те слова, которые могут успокоить Полинетту. Так, пожалуй, можно только растравить боль — подумай, не пригласили на прогулку — не та ты персона, чтобы обижаться, у г-жи Виардо много дел, ей не до тебя, да и настроение у нее может быть плохое — случается, хотя и редко. Тургенев очень точно выявляет истоки «обидчивости» дочери: «Ты уже причинила себе и готовишь себе впредь совсем ненужные страдания из-за своей несчастной обидчивости, которая всего лишь — большое самолюбие». Верно, «большое самолюбие» — девочка уже ранена своим происхождением, своей инаковостью, и теперь ей кажется, что ее специально унижают, показывают «ее место». Признавая эти «истоки», Тургенев, однако, не хочет принять, что человеческое самолюбие Полинетты действительно страдает от ощущения, что она отделена от прочих членов семьи. Наоборот, в его словах можно увидеть нежелание ставить Полинетту на одну доску с семейством Виардо, с г-жой Виардо — хотя бы в человеческом плане: «Кто дал тебе право говорить об ОТВРАЩЕНИИ, которое г-жа Виардо будто бы питает к тебе? Не чувствуешь ли ты, что будет неблагодарностью хотя бы только подозревать в ней подобное чувство к тебе — в ней, которая всегда относилась к тебе, как мать. Эта манера

⁷⁵ Там же, с. 398.

⁷⁶ Там же, т. 3, с. 401.

себя умалять, унижать — тоже не что иное, как самолюбие. Избавься от этого противного недостатка, дитя мое»⁷⁷. Призыв явно риторический. Так можно было взывать к молодому Тургеневу: «Избавься от привычки делать ненужные траты» или «Избавься от своей необязательности». Наши пороки мы носим с собой.

Обида и уязвленное самолюбие останутся в сердце Полинетты, о чем свидетельствует ее нежелание в дальнейшем общаться с семейством Виардо.

Письмо Тургенева заканчивается в привычном духе, он задает «урок» дочери: «...постарайся, чтобы к моему возвращению в Париж ты могла сыграть мне бегло сонату Бетховена, написать большое письмо даже без намека на ошибку — и главное — чтобы ты больше не была обидчивой. Вот тогда-то уж я буду тебя любить! Это не мешает мне очень и очень любить тебя уже и теперь»⁷⁸. Задание «не быть обидчивой» стоит в одном ряду с заданиями писать без ошибок и выучить сонату Бетховена. Трудно найти «нужные слова» для повзрослевшей Полинетты, в «конфликте» дочери и Полины Виардо Тургенев вполне определенно принимает сторону последней.

Неудивительно, что Полинетта в ответном письме пишет отцу фразу, «которую ему хотелось бы вычеркнуть»: «Ты пишешь мне, что раскаиваешься в своей откровенности со мной». Тут уже Иван Сергеевич понимает, что пережал: «Дитя мое, необходимо, чтобы мы говорили всегда друг другу все, что у нас на сердце. Это лучшее средство остаться добрыми друзьями. Может быть, я и преувеличил твои недостатки и свои упреки, но это лучше, чем разводить дипломатию... Итак, прошу тебя, пиши мне всегда с полнейшей откровенностью, и я буду отвечать тем же...»⁷⁹

Полинетта ищет опору в семье Николая Ивановича Тургенева, гостит — по их приглашению — в их поместье Вербуа, хочет последовать совету жены Николая Ивановича Клары — принять православие. Тургенев одобряет намерение дочери: «То, что ты пишешь о своем желании быть наставляемой в православии, в высшей степени разумно...»⁸⁰

Осенью 1858 года, находясь в Спасском, он молит Полину Виардо написать ему «хотя бы четыре строчки» (приписка по-немецки). Полина неумолима и на его письма не отвечает. Зато он получает письма от Полинетты. Та, по-видимому, рассказывает о своих поездках в Вербуа и приятном для нее общении с русскими семьями. В письме к Полине Виардо от 30 декабря 1858 года — 11 января 1859 года Тургенев пишет: «Судя по письмам, которые я получаю от Полинетты, в ней, кажется, происходит перемена: она перестает быть ребенком — в этом есть и хорошее, и плохое. Мне кажется, она обнаруживает довольно большую склонность к светским развлечениям — надо попытаться ее удержать. Г-жа Аран хорошо делает, что не разрешает ей выезжать слишком часто; ей не следует думать, что уже в мае я возьму ее к себе; она останется в пансионе до осени — а потом надо подумать о зиме. Воспользуйтесь вашим влиянием на нее, прошу вас: она очень любит вас и вам доверяет»⁸¹. Последнее предложение звучит фальшиво в свете того, что писала отцу Полинетта, да и Полина прекрасно видит, что девочка ее не любит. Все это понимает и Тургенев, но Полинетта для него сейчас — последнее связующее звено между ним и Полиной, и как же ему хочется, чтобы между этими двумя близкими ему существами был мир!

Увы, мира не получается...

У обеих идет накопление обид.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же, с. 401.

⁷⁹ Там же, с. 402.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же, с. 406.

Летом 1859 года Тургенев приезжает в Виши, где принимает ванны и пьет воду. Он не уверен, что его пригласят в Куртавнель, пишет письмо по этому поводу Луи Виардо — и его приглашают (писала об этом в предыдущей главе). Писем от Полины по-прежнему нет, зато Полинетта пишет часто. По-видимому, в Куртавнеле она предпочитает общаться с г-жой Гарсиа, матерью Полины, — Тургенев в письме от 22 июня 1859 года осведомляется о здоровье той и продолжает это делать в последующих письмах. Но вот уже в следующем письме к дочери от 26 июня 1859 года он пишет почти исключительно о Полине Виардо. Это ответ на новые массированные жалобы Полинетты. И снова — выговор дочери: «В нем (письме. — *И. Ч.*) господствует такой тон по отношению к г-же Виардо, которого я не могу ни допустить, ни разрешить. Ты слишком забываешь все, чем обязана ей. Знай, что я не желаю, чтобы ты словно старалась настроить меня против нее, да это впрочем, ни к чему и не послужит, потому что в десяти случаях из десяти я найду ее вполне правой: и зачем далеко ходить — каким образом, например, можешь ты считать ее неправой относительно твоих уроков пения — и что могла она иметь в виду, кроме твоей пользы?»⁸²

Можно догадаться, что певица отсоветовала Полинетте брать уроки пения (за неимением способностей?), что могло уязвить самолюбие девушки. Далее Тургенев повторяет свое постоянное заклинание: «...ты должна повиноваться ей беспрекословно — и, поверь мне, для тебя было бы большим несчастьем, если бы она перестала интересоваться тобой и позволила бы укрепиться в тебе некоторым наклонностям, которые надо искоренять. Ты себялюбива, обидчива и любишь не тех, кто этого заслуживает, а тех, кто выказывает любовь к тебе или балует тебя. Итак, дитя мое, довольно этих штук, довольно советов не ездить в Куртавнель; я поеду туда столь надолго, что, по всей вероятности, мы именно там проведем каникулы, вместо того, чтобы слоняться туда-сюда»⁸³. Повиноваться беспрекословно... Влюбленный или фанатик может беспрекословно повиноваться своему «кумиру», но всякий разумный человек, если он не должен, как солдат подчиняться приказу командира, имеет право на свободу выбора. Как заставить себя любить тех, «кто этого заслуживает»? Любовь — не то чувство, которое диктуется разумом. Чаще всего мы действительно, как Полинетта, любим тех, кто любит нас и нас балует... Но Тургеневу важно «наставить» дочь, убедить ее, что она глубоко не права в своих обвинениях против Полины Виардо.

Ответное письмо от Полинетты пришло очень быстро, через четыре дня, 30 июня 1859 года.

Оно пролило елей на сердце Тургенева, наверное, не очень спокойное после «выволочки» Полинетте, «доставило ему величайшее удовольствие». По-видимому, девушку (а ей уже 18 лет!) больше всего взволновало обвинение в том, что она любит лишь тех, кто ее балует. Она панически боится потерять любовь своего отца — единственного на свете близкого ей человека. Тургенев заверяет ее на сей счет: «Успокойся: я хорошо знаю, что ты любишь меня — потому что любишь меня — а не потому что я тебя балую; мы оба любим друг друга — разумеется!»⁸⁴

И снова, как и во всех предыдущих письмах, упоминается «другая» женщина: «Так как госпожа Виардо мне не пишет, я не знаю, переехала ли она в Куртавнель. Напиши мне об этом, если тебе что-то известно»⁸⁵.

Но скоро Тургенев сам оказывается в Куртавнеле вместе с Полинеттой — на «вакациях». Ему, как мы знаем, милостиво разрешили приехать.

⁸² Там же, т. 4, с. 412—413.

⁸³ Там же, с. 413.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же, с. 413.

Там он услышал встречные обвинения Полины Виардо относительно поведения его дочери. Скорее всего, она попросила его воздействовать на Полинетту.

В осеннем письме из Парижа в Куртавнель — перед поездкой в Россию — от 16 сентября 1859 года Тургенев сначала просит Полину передать некоторые новости для Полинетты (его визиты к госпоже Тургеновой с благодарностью за отношение к дочери и священнику Васильеву, ее «наставнику» в православии), а дальше обещает написать Полинетте «длинное НАСТАВИТЕЛЬНОЕ и ГРОЗНОВАТЕНЬКОЕ письмо (курсив И. Т.)... и намеренно вложить его в тот же конверт, что и письмо к Виардо. Один конверт нужен, по-видимому, для того, чтобы Полина Виардо смогла это письмо прочитать. Следом за этим сообщением — признание в любви — «хвала Куртавнелю»: «Куртавнель кажется вам сейчас немного однообразным — может быть; а я нахожу его самым восхитительным местом на земле. Всех его обитателей я ношу в своем сердце»⁸⁶. Нужно сказать, что сердце Полины Виардо дрогнуло, наложенная на Тургенова «эпителия» подходит к концу.

Из Спасского в письме от 20 сентября 1859 года Тургенев снова пишет Полине о своей любви — к ней и Куртавнелю⁸⁷: «...лишь чувства мои неизменны, и я испытываю их сильнее, чем когда-либо. Не проходит и часа, чтобы я не мечтал о Куртавнеле и обо всем, что с ним связано...»⁸⁸ Тургенев еще не отправил «ГРОЗНОВАТЕНЬКОЕ» письмо Полинетте, которое называет БОЛЬШИМ. Но он обещает Полине Виардо отправить его вместе с копией второй редакции «Кракамиша» («Последнего колдуна»), сделанной им специально для певицы.

Наконец, 11 октября 1859 года в Спасское, где Тургенев работает над романом «Накануне», приходит письмо из Франции. От Полины Виардо. Письмо шло ровно месяц. «Я читал и перечитывал ваше письмо... словом, я перечитал его десять раз»⁸⁹.

С этого момента эпистолярная связь между ними потихоньку налаживается.

Через месяц, 10 ноября 1859 года, Тургенев выполняет обещание, данное Полине Виардо. В принципе он уже писал дочери что-то подобное, и ему тягостно снова читать те же нотации. Так хочется быть «старым добряком-отцом, нежно любящим свою дочь»⁹⁰. Но обещание дано, нужно выполнять.

Собирается с силами — и пишет Полинетте свое «БОЛЬШОЕ письмо»: «Все же я должен написать тебе это БОЛЬШОЕ письмо, которое уже давно обещал и которое ты ожидаешь, вероятно, с нетерпением — не очень сильным. Да, к сожалению, дитя мое, если я колебался до сих пор, то лишь потому, что не могу сказать тебе большого количества приятных вещей; но приятные вещи не всегда бывают полезны, — и я прошу читать это письмо так, как я буду писать его, — т. е. с убеждением, что истина должна быть выше любых других соображений».

Тургенев пишет, что не был доволен дочерью во время последнего пребывания во Франции (читай: в Куртавнеле), что открыл в ней несколько серьезных недостатков, «которые не проявлялись столь сильно год тому назад». Нужно сказать, что с 1857-го по 1859 год отец с дочерью виделись буквально считанные дни, так как он постоянно находился в переездах, о чем я писала в начале статьи. Общение в основном шло через письма». «Список недостатков» Полинетты в основном тот же, что и в предыдущих письмах, главный недостаток — обидчивость, прибавилась «ревность», но понятно, что дочь ревнует отца к мадам Виардо, считает, что имеет на него больше прав, чем чужая

⁸⁶ Там же, с. 417.

⁸⁷ Напомним, что именно в Куртавнеле летом 1849 года началась их любовь.

⁸⁸ Там же, с. 418.

⁸⁹ Там же, с. 420.

⁹⁰ Из концовки БОЛЬШОГО письма.

жена⁹¹. «Ты обидчива, тщеславна, упряма и скрытна. Ты не любишь, чтобы тебе говорили правду, и легко отворачиваешься от тех людей, кого должна бы особенно любить, как только эти люди перестают тебя баловать. Ты ревнива: неужели ты думаешь, что я не сумел понять, почему ты старалась избегать быть со мной в последние дни моего пребывания в Куртавнеле? С того момента, как ты заметила, что я занимаюсь не одной тобой, я больше тебя не видел: ты исчезла.

Ты недоверчива; сколько раз ты отказывалась довести до конца объяснение, которое сама начинала? Ты любишь общаться только с людьми, которых считаешь ниже себя; твоё самолюбие становится похожим на дикость, и если так будет продолжаться, твой ум, не общаясь с другими, более высокими, умами, не разовьётся»⁹². На этом «обличительная» часть письма заканчивается. В следующей части совсем другая — сердечная — интонация: «У тебя много хороших качеств — и если я о них не говорю, то лишь потому, что нахожу это столь же неуместным, как если бы обращался к самому себе с похвалами относительно хороших качеств, какие могут у меня быть: ты слишком близка мне, я слишком люблю тебя, чтобы не смотреть на тебя, как на часть самого себя»⁹³. И наконец, наверное, самые главные слова в этом письме — обращение к собственному опыту, к тому, что выстрадал сам: «В твоём возрасте я тоже отличался непомерной обидчивостью, полагая, что могу замкнуться в себе и обойтись без привязанностей. Ах! Дитя мое, привязанность — это такая редкость и такая ценность, что отталкивать её безумие...»⁹⁴ Здесь, как мы понимаем, поневоле сказались то, чем он жил и живет все последнее время — своей неотпускающей, фатальной привязанностью к мадам Виардо.

В начале 1860-х жизнь Тургенева входит в колею, он перестает метаться, остается с семьей Виардо, вместе с ними устраивает себе «гнездо» в Баден-Бадене, где на 10 лет (до франко-прусской войны) обретает покой и возможность жить рядом с любимой.

У Полинетты в то же время идет своя жизнь, вехи которой мы пунктирно наметим сейчас, в конце этой статьи.

В 1860 году 18-летняя Полинетта окончила пансион, была на выпуске в белом платье, но по настоянию отца ей пришлось еще некоторое время посещать там занятия.

1860—1864 — годы совместной жизни Тургенева с дочерью в Париже.

Будучи в Англии, Тургенев нашел гувернантку для дочери, англичанку Марию Иннис, которая прожила с Полинеттой до ее замужества. Летом 1861 года Полинетта вместе с г-жой Иннис путешествуют по Италии и Швейцарии: «Я очень надеюсь, что путешествие, которое ты совершишь, разомкнет и смягчит твою душу...»⁹⁵ (из письма Тургенева 1861 года)⁹⁶.

Весну и лето 1862 года Полинетта и Мария Иннис проводят во Флоренции. Во время путешествий Полинетта практикуется в итальянском языке.

⁹¹ В одном из поздних писем Тургенев гневно распекает Полинетту за слово «любовница», которое та употребила по отношению к мадам Виардо.

⁹² ПСС и П, т. 4, с. 421.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же, с. 439.

⁹⁶ Упомянем здесь еще об одном происшествии в жизни Ивана Тургенева, случившемся в 1861 году и тесно связанном как с Полинеттой, так и с ее гувернанткой. Речь идет о ссоре Тургенева и Толстого, происшедшей в 1861 году в имении Фета Степановке и едва не закончившейся дуэлью. Поводом к ссоре послужил рассказ Тургенева о методах воспитания, которые англичанка применяет к его дочери. Та требовала, чтобы Полинетта чинила ветхую одежду бедняков. Толстому такой метод не понравился, возникла нешуточная ссора. Только через 17 лет Толстой написал «примирительное» письмо Тургеневу, который сердечно на него отозвался, и писатели помирились.

Летом 1863 года в Баден-Бадене между Полинеттой и Полиной Виардо происходит ссора, после которой их отношения прерываются практически навсегда.

Полинетте за двадцать, она целиком на попечении Тургенева, а он постоянно в отъезде, и у него своя жизнь. Девушке в ее положении просто необходимо выйти замуж, чтобы заботы о ней перешли к мужу, — это понимают оба. После нескольких неудачных попыток знакомства дочери с «кандидатами» в женихи роль «свахи» берет на себя Валентина Делессер, близкая подруга Мериме, приятельница Тургенева. Зимой 1863 года, находясь в Баден-Бадене, Тургенев пишет ей письмо: «Что касается Полинетты — то вам известно ее положение: нужно иметь в виду, что, кроме меня, у нее нет ни родных, ни семьи, если же говорить о приданом — я даю ей сто тысяч франков немедленно и пятьдесят тысяч в течение двух первых лет. Нет нужды говорить вам, сколь счастлив я буду, если бы муж Полинетты был выбран или рекомендован именно вами, и какой бы это было гарантией...»⁹⁷ Г-жа Делессер знакомит Полинетту со своим племянником, 29-летним Гастоном Брюэром, управляющим стекольной фабрики, которой владеет ее зять.

Полинетта покорена молодым симпатичным французом, да и сам Тургенев не может скрыть своей радости от возможности иметь такого зятя: «Мне он весьма по душе; он хорош собой, блондин, с правильными чертами, выражение лица честное, доброе и открытое — манеры у него буржуазные и изящные одновременно — буржуазные в смысле простоты. Кажется, он очень нравится Полине, встретившей его улыбкой, которую я у нее еще не наблюдал...»⁹⁸ (из письма Тургенева Полине Виардо, январь 1865 года).

Брак был заключен 13 февраля 1865 года, после свадьбы молодые поселились в Ружмоне — городке в 120 километрах от Парижа, там находилась стекольная и хрустальная фабрика, которой управлял муж Полинетты.

Поначалу все идет отлично. Гастон работает, Полинетта занимается хозяйством, у них рождаются двое детей: дочь Жанна (1872—1952) и сын Жорж-Альбер (1875—1924). Оба не создали семьи и не имели потомства. Стекольная фабрика дохода не приносила и требовала постоянных вложений — деньги брались из приданого Полинетты, потом из назначенной ей Тургеневым «пенсии». Все деньги были спущены. В 1882 году Гастон разорился, фабрика, которую он арендовал, перешла к другим лицам. Семья лишилась всего, даже личных вещей. На этой почве Брюэр начал пьянствовать и дебоширить. Полинетте с детьми пришлось скрываться от мужа и искать прибежища в Швейцарии. Она вернулась в Париж только после смерти Гастона, в 1895 году.

Все эти невзгоды и испытания в судьбе Полинетты пришлось на предпоследний год жизни Тургенева. Он тяжело болел — и в то же время вынужден был думать о судьбе дочери и внуков: «Точно колесо меня схватило и начинает втягивать в машину»⁹⁹ (из письма Ж. Полонской от 26 февраля 1882 г.).

В последнем, случайно сохранившемся письме Полинетты к тяжело больному отцу, написанном 30 апреля 1883 года (в сентябре этого года Тургенев умирает!), дочь молит его о помощи: «Мой добрый отец, умоляю тебя, ответь мне хоть одним словечком, я бы так хотела уехать и стать умнее, заклинаю тебя, предоставь мне возможность работать, чтобы зарабатывать себе на жизнь. Я могу иметь несколько уроков, г-жа Делессер мне их обещала — сделай еще и это усилие — и потом ты сможешь предоставить меня моей несчастной судьбе»¹⁰⁰. Из этого письма видно, что Тургенев «нес

⁹⁷ ПСС и П, т. 5, с. 362.

⁹⁸ Там же, т. 6, с. 204.

⁹⁹ Т. И. Бронь. Тургенев и его дочь Полина Тургенева-Брюэр. Тургеневский сборник, с. 7.

¹⁰⁰ Там же, с. 15.

свою дочь на себе» все отпущенное ему время жизни. Когда это письмо пришло, он был на смертном одре — и, скорее всего, даже не сумел его прочитать.

После смерти Тургенева Полинетта с детьми жила на оставленное ей отцом наследство. Впоследствии дочь Жанна, зарабатывавшая на жизнь уроками, взяла на себя заботу о матери. Умерла Полинетта Тургенева от рака в возрасте 77 лет. Отношений с семьей Виардо она не поддерживала. Напомним в конце этой главы, что, по словам Евгения Семенова, публикатора тургеневских писем дочери и внукам, что с ней (Полинеттой) «перед смертью писателя все порвали, — кроме Поля и его дочери Алисы, которые сами расстались с матерью, бабушкой, сестрами и тетками и которые считали Полинетту, — Поль — своей сводной сестрой, а Алиса себя ее кузиной¹⁰¹ (племянницей) — и сохранили свою привязанность до самой ее смерти в 1919 году»¹⁰².

Глава 3. Иван Тургенев и Поль Виардо

Поль Виардо родился 8 июля 1857 года в Париже (в имении Куртавнель, департамент Сена-и-Мария) и прожил довольно долгую жизнь — 84 года. Он стал скрипачом-виртуозом, гастролировал по всему миру, Сен-Санс и друг Поля Форе писали для него скрипичные сочинения. Умер он 11 декабря 1941 года в Алжире, где жил и работал все последние годы.

В предыдущей главе я излагала версию о том, что Поль мог быть сыном Тургенева.

При этом прямых доказательств того, что Поль Виардо был сыном Тургенева, нет. Но ведь и связь Тургенева с Полиной Виардо долгое время была недоказуемой и подвергалась сомнению. И лишь «правильно» прочитанная исследователем фраза в «Мемориале», личном дневнике Ивана Тургенева, — фраза за 1849 год открыла глаза на подлинные отношения русского писателя и французской певицы¹⁰³. Возможно, если бы Тургенев вел дневник в 1856 году, когда после шести лет «сидения» в России вновь оказался во Франции, мы нашли бы там какую-то подобную запись. Но дневника нет. Есть небольшое число косвенных доказательств. Для меня одно из важнейших — последнее произведение Тургенева «Песнь торжествующей любви» (1881). Это своеобразная аллегория. Двое юношей из средневеково-возрожденческой Феррары художник Фабий и музыкант Муций влюбляются в прекрасную девушку — Валерию. Мужем Валерии становится Фабий, а Муций несколько лет путешествует по Востоку. Возвратившись, он по предложению Фабия селится рядом. Однажды он играет другу и Валерии «Песнь торжествующей любви». После этого ночью в сомнамбулическом сне Валерии чудится, что она в объятиях Муция.

Кончается повесть отъездом Муция, супруги снова одни. Но как-то под руками Валерии орган заиграл ту самую мелодию, которую играл Муций, — «Песнь торжествующей любви», и в ту же минуту она почувствовала в себе «трепет новой, зарождающейся жизни». Муций — музыкант, а еще — колдун, волшебник, но и Тургенев-писатель в какой-то степени волшебник, пересоздающий мир. Однажды Иван Сергеевич не метафорически, а по-настоящему сыграл колдуна в «Последнем колдуне» — оперетте по своему либретто на музыку Полины Виардо, поставленной в Веймаре в 1869 году.

Если продолжить разворачивать метафору, то в художнике Фабии, муже Валерии, можно увидеть Луи Виардо, также занимающегося живописью, только в роли искусствоведа.

¹⁰¹ Очевидная языковая ошибка Семенова.

¹⁰² E. Semenov. *La vie douloureuse d' Ivan Tourgueneff*. Paris, Mercvredre France, 1933, p. 253.

¹⁰³ «14/26 июня я в 1-й раз с П<олиной>». См. <http://turgenev-lit.ru/turgenev/bio/avtobio/memorial.htm>.

Если учесть, что Тургенев и муж Полины умерли в один год — 1883, с разницей в несколько месяцев, и возможности прямого высказывания на эту деликатную тему у писателя не было, легко предположить, что Тургенев «зашифровал» в своей предсмертной повести историю своей любви. Любви, приведшей к рождению ребенка.

Есть ли еще какие-то, пусть косвенные, подтверждения этой догадки? Сходство.

Поль был похож на Тургенева, это трудно не признать, когда глядишь на его фото.

Читала в некоторых источниках, что Тургенев подарил ему скрипку Страдивари. Стоимость и «престижность» подарка говорят сами за себя и отражают подлинную значимость Поля для Тургенева. Однако мы не знаем, точно ли скрипка Поля была «скрипкой Страдивари». Не все соглашаются и с тем, что скрипку подарил Тургенев. Вот что об этом говорит Николай Жекулин: «О скрипке Поля. Тут, собственно, два отдельных вопроса: что и кто. Была ли это действительно скрипка Страдивария и на чьи деньги она была куплена. Нет сомнения, что Поль был уверен, что это на самом деле была скрипка Страдивария (о чем писалось во французской прессе). Купил он ее в Стокгольме в ноябре 1879 г. (Полю в это время 16 лет! — И. Ч.) когда он был в гастролях в Норвегии и Швеции. В частности, 12 ноября принял участие в концерте в Стокгольме, в котором участвовала (как пианист и композитор) его старшая сестра Луиза, которая тогда жила в шведской столице. Однако Поль как владетель одной из скрипок Страдивария не фигурирует ни в одном списке известных инструментов этого мастера (я в прошлом проверял этот вопрос у фирмы Beare в Лондоне, которая является специалистом по этому делу). Чтобы существовала неизвестная скрипка Страдивария у известного скрипача XX века, крайне неправдоподобно. Скорее всего, следовательно, Поль ошибался в происхождении своей скрипки, но это была отличная скрипка, которая его устраивала. То, что ее дальнейшая судьба неизвестна (что с ней случилось после смерти Поля), также намекает на то, что это не была скрипка Страдивария. Но кто ее купил? (у Поля не было таких денег). Кажется, утверждение будто ее купил Тургенев возникло исключительно из семьи (детей) Поля. А в семейном архиве Валентин (Valentinska familje arkivet, L 112: King liga, biblioteket, Stockholm) среди писем ПВ (Полины Виардо. — И. Ч.) к своей бывшей ученице Charlotte (с которой, да и семьей которой ПВ остались в дружеской связи до глубокой старости) сохранилось письмо от 23 ноября того 1879 г., в котором ПВ пишет: „Nous attendons l'original (т. е. самого Поля) demain et je mere jouis beaucoup de le voir, lui, sapelisse et son nouveau violon, un beau Stradivarius que je lui ai achete. Il la trouve à Stockholm“¹⁰⁴. (Подлинника я не видел, но его список я получил от Патрика Уодингтона который мастер транскрипций.) Тут не может быть никакого сомнения и нет причины думать, чтобы ПВ лгала по этому поводу — если не на ее деньги, зачем не просто обойтись без последней фразы? Son nouveau violon, un beau Stradivarius ТОЧКА. Непосредственный источник с прямым утверждением мне кажется намного более достоверным, чем мутные семейные предания»¹⁰⁵.

Соглашусь с исследователем, что непосредственный источник более достоверен, чем семейные предания. Но возьму под сомнение слова Полины Виардо, что это она купила скрипку для Поля. В 1879 году певица уже давно не выступает, стало быть, не получает больших гонораров. А Страдивари стоит дорого. Не логично ли предположить, что деньги на покупку дорогой скрипки для Поля Полине Виардо ссудил Тургенев? Тогда и «семейные предания» окажутся не такими уж «мутными».

Но понятно, что нельзя это утверждать определенно в отсутствие прямых доказательств.

¹⁰⁴ «Мы ожидаем оригинал (т. е. самого Поля) завтра, и я буду очень рада видеть его, его шубу и его новую скрипку, прекрасного Страдивари, которого я ему купила. Он нашел его в Стокгольме» (с фр.).

¹⁰⁵ Из частного письма автору этой статьи Николая Глебовича Жекулина от 20 декабря 2022 года.

Что пишет Поль о Тургеневе в своих мемуарах «Вопоминания артиста»? Поль провёл свою жизнь в странствиях — и его рассказ именно о них, о странах и городах, названиями которых пестрят его записки. Но говоря о детстве, Поль довольно много пишет о Тургеневе. В отличие от Луи Виардо, которого на страницах книги практически нет. Вот выдержки из книги, связанные с Тургеневым (в русском переводе):

«Тургенев оставался другом моих родителей¹⁰⁶ до самой смерти (его сочинения были переведены моим отцом)...»¹⁰⁷

«Смутно припоминая серьёзную болезнь, воспаление легких, которая едва не унесла меня. Моя мать пела тогда Орфея в лирическом театре. Лечившие меня доктора не позволили ей бросить сцену... И она пела „Я потерял Эвридику“, плача часто неподдельными слезами»¹⁰⁸.

«Для... учениц моя мать сочинила несколько опереток на тексты, написанные Тургеневым нарочно для этой цели... Эти представления долгое время давались в вилле Тургенева (в Баден-Бадене. — И. Ч.), более удобной, чем наша. Наши дома отделялись только садами»¹⁰⁹.

«Из актеров мужского персонала нас было только двое: Тургенев и я. Для меня писались роли, подходящие к моему росту... Все мои роли были с пением, потому что у меня был хорошенький детский голосок. Остальные роли поручались моим сестрам и вышеупомянутой международной труппе будущих артисток; некоторые из них сделались впоследствии знаменитыми певицами. Какие были веселые репетиции! Какие взрывы хохота всей этой молодежи, когда я первый раз пробовал мою арию с руладами!... И, наконец, волнения первых представлений!

Король Вильгельм смеялся до слез политическим намекам, которыми Тургенев пересыпал свой текст...»¹¹⁰ (после франко-прусской войны семья переселилась в Париж). «Приемы на улице Дуэ были просты: чай и пирожное заменяли пышные открытые буфеты с шампанским, какие мы видим теперь неизменно на всех больших вечерах, но зато слушали прекрасную музыку, и ни один альманах Гота не мог бы перечислить столько имен, знаменитых талантом, если не рождением, составлявших аудиторию этих четвергов. Я помню их: Ренан, Эмиль Ожье, Жюль Симон, Флобер, Эжен Пелетан, Дешанель, отец и сын, Флоке, m-me Адан, Гуно, Сен-Санс, все художники, все знаменитости того времени. Заезжие артисты — Рубинштейн, Венявский, Давыдов, Сарасате считали честью участвовать в этих музыкальных собраниях, которые мать моя заканчивала величественными звуками Глюка или Шумана или же пробую каких-либо новых произведений.

У нас были также приемы по воскресеньям вечером, но эти собрания сильно отличались от четвергов, посвященных серьезному искусству. Половина большой гостиной превращалась в сцену, столовая в уборную, и раздавалась импровизированная увертюра, предшествовавшая шарадам самым шутовским, самым неслыханным. Наш родственник, географ Поль Жоанн, Сен-Санс и Тургенев были неизменными испол-

¹⁰⁶ Во французском тексте книги (Paul Viardot «Souvenirs d'un artiste», 1910) сказано несколько иначе — не «другом моих родителей», а «моим другом» («l'ami des miens», p. 5).

¹⁰⁷ И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. Поль Виардо. Из воспоминаний артиста. М.: Художественная литература, 1983, с. 286. О степени «знакомства» Поля с биографией Тургенева говорит продолжение этого фрагмента, пропущенное переводчиком (в моем переводе): «(Т-в) был приглашен на отдых из русской тюрьмы (превращенной в ссылку) — наказание, понесенное после публикации „Воспоминаний русского владыки“, что в значительной степени создало движение в поддержку отмены крепостного права» (p. 5).

¹⁰⁸ Там же, с. 286. Привожу этот случай в главе о Полине Виардо.

¹⁰⁹ Там же, с. 288.

¹¹⁰ Там же, с. 289.

нителами первых ролей... Вот образчик нашей фантазии. Сцена представляет амфитеатр медицинской школы: студенты, между которыми находится молодая студентка-англичанка (Поль Жоанн), окружают профессора (Тургенева).

На анатомический стол кладут голый труп (Сен-Санс, облаченный в розовую фланель!) Лекция анатомии. Профессор определяет, что пациент умер от „назита“, или чрезмерного разращения носа. Он собирается уже пронзить его громадным ножом, как вдруг мертвец поднимается! Общий ужас, все бегут, за исключением студентки-англичанки, которая падает в обморок и приходит в чувство в объятиях лжепокойника. Все объясняется: влюбленный прибегнул к этой хитрости, чтобы приблизиться к своей возлюбленной. Наступает ночь... и занавес медленно опускается над обнявшеюся парой, освещенной белой фаянсовой тарелкой, которую я, главный машинист, постепенно поднимаю над ширмой вместо луны»¹¹¹.

Привела большой кусок воспоминаний, чтобы видно было, в какой обстановке рос Поль и с кем привык соизмерять себя. Понятно, что на фоне этих блестящих творцов Луи Виардо, кстати сказать, никогда не принимавший участия в воскресных представлениях, казался человеком весьма ординарным и скучным. Другое дело Тургенев, чья фигура была вполне соизмерима с перечисленными знаменитостями.

Кроме как в этих фрагментах, больше мы не найдем Тургенева в «Воспоминаниях» Поля. Да и вообще его книга больше посвящена странам и городам, чем людям.

По фрагментам трудно что-то заключить о личном отношении Поля к Тургеневу. Известно, что Поль был не очень коммуникабелен и резок, в том числе и с Тургеневым.

А что можно сказать об отношении Тургенева к Полю?

И здесь мы сталкиваемся с удивительной картиной. После первого письма родителям новорожденного, которое я назвала бравурным и преувеличенно радостным, Тургенев словно перестает обращать внимание на Поля. Он не только не выделяет его из остальных детей, но выбирает себе другую «любимицу» — Клоди или Диди. Это средняя дочь семейства Виардо, она на три года старше Марианны и на пять лет Поля. Ею, ее художественными способностями (девочка хорошо рисует) Тургенев восхищается, ей пишет отдельные от других детей письма, признается в любви (от лица Дон Кихота), просит у Полины прислать ему портрет Диди.

Летом 1862 года (Полю пять лет, Диди десять) Тургенев пишет из Спасского: «Ведь правда, таких детей, как ваши, немного, а другой Диди нет в целом свете»¹¹².

Мне кажется, этот выбор не случаен. Тургенев хочет «подстраховаться», уйти от слухов и сплетен об его «отцовстве», сознательно нигде и ничем не выделяя Поля и, даже наоборот, предпочитая ему среднюю дочь Полины Виардо.

Но повторю еще раз. У нас нет прямых доказательств того, что отцом Поля Виардо был Иван Тургенев. Что же касается доказательств косвенных, думаю, самое ценное из них — свидетельство Евгения Семенова о том, что Поль считал Полинетту Тургеневу своей *сводной сестрой*, то есть полагал, что у них с Полинеттой один отец — Тургенев.

¹¹¹ Там же, с. 290—291.

¹¹² ПССС и П, т. 5, с. 331.